

Административное и муниципальное право

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политico-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.3.74695 EDN: OYYMqe URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74695

Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политico-правовой турбулентности

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений (ФГУП)

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

[Статья из рубрики "Публичное право: новые проблемы и реалии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0595.2025.3.74695

EDN:

OYYMqe

Дата направления статьи в редакцию:

03-06-2025

Аннотация: Современное состояние политico-правовых систем характеризуется нарастанием турбулентности, порождаемой глобальными, цифровыми, экологическими и социальными вызовами. В этих условиях традиционная модель конституционализма, основанная на стабильности, иерархичности и нормативной ригидности, утрачивает способность к эффективной правовой и институциональной адаптации. Встает задача переосмысления теоретических и прикладных основ конституционного порядка с учетом новых форм правовой динамики. Предметом настоящего исследования выступает явление адаптивного конституционализма, рассматриваемого как парадигма, способная обеспечить гибкость и устойчивость публичной власти в условиях нестабильности. Актуальность темы обусловлена необходимостью выработки таких правовых механизмов, которые обеспечат баланс между изменчивостью внешней среды и внутренней нормативной связностью конституционного строя. В статье рассматриваются концептуальные основания адаптивного конституционализма, а также

институциональные формы его реализации в различных правовых системах. Методологическая основа исследования включает системно-структурный, сравнительно-правовой, институциональный и контекстуальный методы анализа. Использование междисциплинарного подхода позволило выявить корреляции между политической нестабильностью, правовой трансформацией и институциональной адаптивностью. Научная новизна исследования заключается во введении и обосновании категории «адаптивный конституционализм» как самостоятельного направления развития современной конституционно-правовой мысли. В работе раскрываются теоретические принципы, лежащие в его основе: гибкость, респонсивность, правовой плюрализм, цифровая легитимность и институциональная устойчивость. Определены институциональные механизмы, обеспечивающие адаптацию конституционного строя: гибкие формы разделения властей, цифровизация публичных процедур, эволюция механизмов контроля и участия. Обоснована необходимость перехода от нормативной ригидности к правовой адаптивности без утраты легитимности и предсказуемости правовой системы. Показано, что адаптивный конституционализм выступает как правовой ответ на вызовы политico-правовой турбулентности, сохраняя принципы верховенства права, прав человека и институционального баланса. Сделан вывод о перспективах применения концепции в трансформирующихся и посткризисных обществах. Предложенная концепция может быть использована как теоретическая модель и практический ориентир при проектировании устойчивых правопорядков.

Ключевые слова:

адаптивный конституционализм, институциональная устойчивость, правовая гибкость, цифровизация публичных процедур, конституционный порядок, политico-правовая турбулентность, правовой плюрализм, респонсивное управление, легитимность, трансформация конституционных систем.

Введение

Современное политico-правовое пространство характеризуется высоким уровнем нестабильности, выражющейся в частой смене властных парадигм, кризисах политической легитимности, поляризации общественных установок и затухающем доверии к публичным институтам. Углубляющаяся фрагментация правовых режимов, проявляющаяся как на национальном, так и на транснациональном уровнях, ставит под сомнение устойчивость прежних моделей конституционного устройства, построенных преимущественно на жесткой нормативной архитектуре, ориентированной на стабильность, а не на гибкость. Глобальные вызовы — от пандемий и трансграничных конфликтов до масштабной цифровизации и усиления авторитарных тенденций в ранее демократических системах — требуют иного взгляда на природу конституционного порядка как на нечто способное к изменению и восстановлению, а не исключительно к сохранению. В этих условиях исследование возможностей и пределов адаптации конституционного строя становится не только актуальным, но и необходимым с точки зрения правового выживания демократических основ в условиях многомерной турбулентности.

В рамках данной статьи предлагается переосмыслить категорию конституционализма, традиционно ассоциируемую с устойчивостью, ограничением власти и охраной прав человека, как более динамическую структуру, подверженную институциональным трансформациям, но сохраняющую ценностное ядро. Такой подход позволяет не только

пересмотреть теоретические основания конституционного порядка, но и предложить альтернативную модель — адаптивный конституционализм — как механизм ответной реакции на вызовы времени без утраты фундаментальных ориентиров. Научная новизна предпринятого исследования заключается в артикуляции концепции «адаптивного конституционализма» как самостоятельной теоретико-правовой парадигмы, способной сочетать в себе элементы нормативной устойчивости и институциональной изменчивости, не вступая при этом в противоречие с принципами демократического правового государства.

Центральной проблемой, вокруг которой строится аргументация статьи, становится вопрос: допустимо ли и возможно ли сохранить принципы верховенства права, подотчетности власти и гарантированности прав человека при институциональной гибкости, необходимой для эффективного функционирования правовых систем в условиях нестабильности? Ответ на этот вопрос требует отхода от бинарного противопоставления «жесткость — слабость» в пользу более сложного анализа того, каким образом именно гибкость может служить не разрушению, а сохранению конституционного порядка. При этом необходимо учитывать, что чрезмерная адаптация может привести к девальвации основных принципов, тогда как отказ от адаптации чреват институциональным параличом.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы раскрыть теоретическое содержание и нормативные основания концепции адаптивного конституционализма, а также исследовать механизмы его институционализации в различных правовых и политических контекстах. Особое внимание уделяется сравнению правовых систем, в которых адаптация стала не вынужденной реакцией, а сознательной стратегией конституционного развития, что позволяет выявить универсальные и уникальные черты моделей гибкости.

Для достижения поставленной цели в статье применяется комплексная методология, сочетающая сравнительно-правовой, институциональный, аксиологический и политико-правовой подходы. Сравнительно-правовой анализ позволяет сопоставить адаптационные практики в разных юрисдикциях, выявляя как структурные различия, так и точки сближения. Институциональный подход раскрывает роль различных акторов (конституционных судов, парламентов, президентских институтов) в процессе адаптации. Аксиологическая перспектива фокусируется на сохранении ценностных ориентиров в условиях трансформации, тогда как политико-правовой анализ позволяет учитывать влияние политических факторов на юридическое содержание адаптивных механизмов. Таким образом, предпринятое исследование стремится не только к теоретическому обоснованию концепции адаптивного конституционализма, но и к выявлению её прикладного потенциала для государств, находящихся в состоянии системной трансформации или правовой неустойчивости.

Теоретико-концептуальные основы адаптивного конституционализма

Современное правовое развитие требует фундаментального переосмысления классических понятий конституционализма, особенно в условиях политico-правовой турбулентности, фрагментации публичной власти и ускоряющихся трансформационных процессов. Одной из наиболее значимых теоретических реакций на эти вызовы выступает концепт адаптивного конституционализма — подход, стремящийся соединить идеалы правового порядка с практикой институциональной гибкости. Прежде чем приступить к анализу его особенностей, необходимо очертить историко-теоретическую эволюцию самой категории «конституционализм», раскрыть значение адаптивности как системной характеристики устойчивых правовых порядков, и рассмотреть ключевые

положения современных исследователей, повлиявших на становление данной парадигмы.

Изначально конституционализм формировался как идеологическая и правовая концепция, направленная на ограничение государственной власти через верховенство закона, гарантии прав и свобод личности и институционализированное разделение властей. В классической доктрине XIX–XX веков, особенно в англо-американской традиции, преобладал подход, акцентирующий приоритет формальных и юридически закреплённых ограничений над произволом политических институтов. Однако подобная «ограничительная парадигма» со временем продемонстрировала свою уязвимость перед лицом сложных социальных изменений и кризисов, требующих более гибких, адаптивных форм правового реагирования.

Переход от ограничительного к системному, рефлексивному конституционализму стал возможен благодаря теоретической интеграции концептов, заимствованных из социологии, теории систем и политической науки. Конституционализм начал рассматриваться не только как набор принципов и норм, но и как динамичная, саморазвивающаяся система, способная к обучению, рефлексии и институциональному обновлению без потери легитимности. В этом контексте адаптивность предстала как ключевая характеристика жизнеспособных правовых систем. Она включает способность своевременно реагировать на вызовы, трансформировать внутреннюю структуру в ответ на внешние изменения и при этом сохранять непрерывность конституционного порядка.

Понятийный аппарат адаптивного конституционализма охватывает такие категории, как «гибкость», «устойчивость», «рефлексивность» и «жизнеспособность» (*viability*). Под гибкостью понимается не столько произвольная изменчивость правовых норм, сколько институциональная готовность к переоценке практик в условиях неопределенности. Устойчивость, в свою очередь, не исключает изменений, но предполагает их направленность на сохранение целостности системы. В этой логике адаптация предстает не как компромисс, а как необходимое условие выживания и развития правопорядка.

Значительный вклад в развитие идеи адаптивного конституционализма внесли современные исследователи, каждый из которых предложил собственную оптику анализа. Так, М. Tushnet, представитель прагматической школы, продвигает идею конституционного минимализма — подхода, предполагающего отказ от гиперформализации и допускающего широкое пространство для политических решений в пределах общей рамки правовых норм [1]. По его мнению, именно минимализм позволяет сохранить жизнеспособность конституционного порядка в условиях глубоких социокультурных разломов, избегая риска политической поляризации и паралича институтов.

В то же время D. Landau указывает на опасность так называемого «*abusive constitutionalism*» — практики использования конституционных реформ для закрепления авторитарных режимов под видом институциональной адаптации [2]. Он утверждает, что гибкость без ограничителей может привести не к адаптации, а к деградации, когда правовая оболочка сохраняется, но внутреннее содержание оказывается подменено. Тем самым D. Landau вводит важное ограничение в конструкцию адаптивного конституционализма: адаптация не должна становиться инструментом подрыва конституционного духа.

Не менее важна позиция С. Thornhill, предложившего социогенетический подход к праву, в рамках которого легитимность рассматривается как производная от социальных

процессов, а не только от формального правового источника [3]. Его анализ позволяет увидеть адаптивность как форму правовой эволюции, при которой легитимация происходит через постоянное взаимодействие права с социальными ожиданиями и культурными кодами. Такой подход особенно актуален для государств с динамично развивающейся политической структурой, где формальные процедуры не всегда успевают за фактическими изменениями в обществе.

Адаптивный конституционализм тесно взаимодействует с рядом других современных правовых парадигм. Прежде всего, он перекликается с концепцией нелиберального конституционализма, характерной для стран с ограниченной или нестабильной демократией, где приоритет отдается функциональной эффективности институтов над либеральными правами. В таких системах гибкость выступает не как угроза, а как необходимый ресурс выживания. Кроме того, адаптивность закономерно сопрягается с транснациональным конституционализмом, в рамках которого право рассматривается как сеть норм и практик, пересекающих национальные границы и формирующих «мягкий» суверенитет. Эта перспектива особенно важна для стран, находящихся под влиянием международных организаций, наднациональных судебных органов или трансграничных цифровых платформ.

Наконец, адаптивный конституционализм неизбежно вступает в диалог с цифровым конституционализмом, выдвигающим на первый план проблемы алгоритмической прозрачности, кибербезопасности, цифрового гражданства и трансформации публичных институтов под воздействием информационных технологий. Как подчеркивает G. De Gregorio, цифровизация не только меняет инструменты участия и контроля, но и требует новой нормативной логики, сочетающей технологическую адаптацию с защитой фундаментальных прав [4].

Таким образом, теоретико-концептуальные основания адаптивного конституционализма базируются на переосмыслении фундаментальных конституционных принципов через призму современного институционального и социального многообразия. Эта парадигма предлагает рассматривать право не как статичную систему норм, а как динамичную практику поддержания равновесия между стабильностью и изменением, между формой и содержанием, между универсализмом и контекстуальностью.

Адаптивный конституционализм как форма институциональной устойчивости

Современная эпоха, характеризующаяся постоянными и зачастую непредсказуемыми социальными, политическими и технологическими потрясениями, выдвигает на первый план вопрос о способности конституционно-правовых систем сохранять устойчивость без утраты легитимности и нормативной силы. В этих условиях особую актуальность приобретает концепт адаптивного конституционализма, который предстает не как отступление от принципов правового государства, а как их переосмысление в контексте меняющихся реалий. Центральное место в данном подходе занимает идея институциональной устойчивости, понимаемой не как статичное сохранение существующих форм, а как способность системы к обновлению в пределах своей конституционной логики.

Одной из предпосылок обращения к адаптивному конституционализму является феномен политico-правовой турбулентности, под которым следует понимать состояние системы, характеризующееся высокой степенью неопределенности, напряжения и деформации легальных и политических структур. В литературе данное состояние связывается с проявлениями правового регресса (rule of law backsliding) [5], усилением популистских

тенденций, снижением доверия к судам, парламентам и другим институтам, а также с эрозией основополагающих норм, включая принципы разделения властей, защиты прав человека и независимости судебной власти. Т. Г. Daly указывает, что популизм в сочетании с правовым формализмом может привести к институциональному разложению, где конституционные механизмы сохраняются формально, но теряют способность к сопротивлению авторитарной трансформации [6]. Схожую озабоченность выражает К. Л. Scherpele, подчеркивая опасность «авторитарного легализма» — практики, при которой закон используется для демонтажа демократических институтов [7].

Однако важно различать подлинную адаптацию от имитации изменений, прикрывающих институциональный распад. В этом контексте ключевым становится вопрос о границах допустимого реформирования — где заканчивается гибкость и начинается эрозия? Полагаем, что конституционная гибкость предполагает способность системы перерабатывать внутренние противоречия, реагировать на внешние вызовы и корректировать институциональные механизмы без разрушения ценностного ядра. Напротив, при отсутствии нормативных ограничений, гибкость может трансформироваться в инструмент подрыва правопорядка, как это происходит при манипулятивных конституционных поправках, направленных на концентрацию власти, продление сроков полномочий или подчинение судебной системы исполнительной власти.

В условиях глобальных и локальных шоков — таких как пандемия COVID-19, вооруженные конфликты, экономические кризисы и цифровые революции — адаптация становится не факультативной, а необходимой функцией конституционного порядка. Так, в период пандемии многие государства вынуждены были вводить режимы чрезвычайного положения, ограничивая свободу передвижения, собраний и даже частную жизнь граждан. Это вызвало острые дискуссии о допустимости подобных ограничений и их конституционной оценке. Исследования, проведённые в рамках проекта «Verfassungsblog» и публикации F. Fabbrini [8], указывают на важность наличия институциональных механизмов, обеспечивающих баланс между мерами реагирования и правовыми ограничителями. Без способности к адаптации конституционные системы рискуют оказаться не в состоянии защитить общество в моменты экстремальных угроз, а без установленных границ такой адаптации возникает опасность авторитарного поворота.

Противопоставление адаптивности правовому формализму приобретает особое значение в контексте тезиса о «живой конституции» (*living constitution*), активно разрабатываемого в ангlosаксонской правовой доктрине. Данный подход предполагает, что конституция должна интерпретироваться в свете современных реалий, а не только исторического контекста её принятия. Один из ярких сторонников этой позиции, С. Sunstein, утверждает, что живая конституция позволяет обществу справляться с новыми вызовами без необходимости кардинальной реконструкции правовых основ. По его мнению, институциональная стабильность достигается не через неподвижность, а через способность к разумной интерпретационной трансформации, адаптирующей нормы под изменяющийся социокультурный ландшафт [9].

Тем не менее, идея живой конституции вызывает критику со стороны сторонников оригинализма, считающих, что подобная гибкость может привести к утрате предсказуемости и правовой определённости. В ответ на это адаптивный конституционализм предлагает не отказ от основ, а развитие механизмов, позволяющих сохранять их жизнеспособность. Одним из таких механизмов может выступать конституционный минимализм — стратегия, направленная на сохранение ядра правового

порядка через умеренность в изменениях, сдержанность в реформировании и уклонение от радикальных интерпретаций. M. Tushnet подчеркивает, что минимализм не означает пассивность, но требует внимания к институциональному контексту, необходимости компромиссов и уважения к политической неопределенности [10].

Таким образом, адаптивный конституционализм функционирует как альтернатива как правовому догматизму, неспособному ответить на вызовы времени, так и радикальной политической волюнтаристике, подменяющей нормы прагматизмом власти. Его теоретическая ценность состоит в том, что он предлагает новый взгляд на институциональную устойчивость, рассматривая её как продукт не сохранения формальных структур, а способности этих структур к гибкому реагированию в пределах конституционных рамок. В этом заключается его потенциал как концепции, способной не только объяснить современные трансформации, но и предложить практические ориентиры для выстраивания конституционной политики в условиях неопределенности и нестабильности.

Институциональные механизмы адаптации конституционного порядка

Переход от концептуального осмысления адаптивного конституционализма к анализу его практического воплощения требует выявления конкретных институциональных механизмов, через которые реализуется способность конституционного порядка к обновлению в условиях нестабильности. Эти механизмы формируют своего рода архитектуру гибкости, способную одновременно обеспечить подвижность и сохранить правовую идентичность. В числе ключевых элементов такой архитектуры выступают конституционные суды, процедуры изменения основного закона, особые нормативные конструкции, а также новейшие инструменты цифровой трансформации.

Особую роль в процессе адаптации конституционного порядка играют конституционные суды. В силу своей позиции в системе разделения властей и уникального статуса носителей прерогатив конституционного толкования они становятся активными агентами институционального приспособления. Их юриспруденция позволяет корректировать применение и понимание норм в условиях быстро меняющихся реалий, выступая гарантом баланса между стабильностью и переменами. Ярким примером служит решение Федерального конституционного суда Германии по делу «Lisbon Urteil» (BVerfG, 2 BvE 2/08, 30 июня 2009 г.), в котором суд признал допустимость интеграции в наднациональные структуры ЕС лишь при условии сохранения «конституционной идентичности» Германии. Тем самым была выработана доктрина Identitätskontrolle, позволяющая гибко интерпретировать границы суверенитета в контексте европейской интеграции. Суд не просто реагировал на политическую конъюнктуру, но установил новую матрицу толкования, адаптирующую основной закон к реальностям наднационального правопорядка.

Пример Южной Африки демонстрирует иной путь — через акцент на трансформационную миссию конституционного порядка. Конституционный суд этой страны в серии решений, таких как «S v. Makwanyane» (1995), последовательно выстраивал парадигму правозащитного конституционализма, адаптируя принципы справедливости к постапарtheidному обществу. Судейская практика здесь не ограничивалась толкованием текста: она активно формировала общественную моральную рамку, встраивая в неё нормы нового Основного закона. Таким образом, конституционная юриспруденция становилась медиатором между идеалами демократии и исторической травмой, реализуя адаптационный потенциал правовой системы через судебное правотворчество.

Канадская доктрина «живого дерева» (*living tree doctrine*), сформулированная ещё в деле «*Edwards v. Canada*» (1930), представляет собой уникальный пример институционализированной гибкости, где Верховный суд последовательно развивает правовые конструкции в соответствии с эволюцией общественных представлений. Как отмечает Р. Ногг такая модель толкования позволяет избежать как догматизма, так и произвола, благодаря встраиванию судебной деятельности в контекст конституционного минимализма [11]. Судейская доктрина здесь — не декларация, а динамический механизм поддержания равновесия между переменами и правовой преемственностью.

Важным элементом адаптивного потенциала конституционных систем являются гибкие процедуры изменения текста Основного закона. Конституционная поправка традиционно считается одним из наиболее трудоёмких инструментов правового обновления, однако в ряде стран была выработана практика постепенной, консенсусной эволюции. В Финляндии, согласно Конституции 1999 года (Sections 73–74), изменение возможно только после прохождения двух последовательных парламентских сессий, что при этом не исключает конструктивных компромиссов, дополняемых открытым общественным обсуждением. Швейцария демонстрирует аналогичную модель, где федеральная конституция изменяется через гибрид референдумной и парламентской инициативы, позволяющей гибко реагировать на изменения, сохраняя при этом высокий уровень народной легитимации.

В странах Латинской Америки прослеживается иная тенденция — программный конституционализм, ориентированный на задание целевых направлений развития. Конституции Колумбии (1991) и Эквадора (2008) закрепляют телеологические положения, прямо предписывающие государству реализацию принципов социальной справедливости, устойчивого развития, прав коренных народов и иных метаценностей. Как подчёркивают D. Landau и R. Dixon, такие механизмы позволяют конституции выполнять роль долгосрочного стратегического ориентира, стимулируя адаптацию институционального ландшафта под задачу трансформации общества, а не только под конкретные политические запросы [12].

Наряду с формальными изменениями текста и судебными интерпретациями, важным инструментом гибкости выступают особые нормативные конструкции, встроенные в структуру основного закона. К числу таких конструкций относятся аморфные нормы, не имеющие жёстко фиксированного содержания, но задающие направление правовой эволюции, а также отыскочные положения, делегирующие конкретизацию принципов законодательным или подзаконным актам. Эти нормы обеспечивают своеобразное «правовое дыхание» конституции, позволяя ей сохранять актуальность без постоянной редакции. Особый интерес в этом контексте представляют *teleological clauses* — целевые установки, задающие вектор интерпретации всего конституционного текста. Примером может служить Преамбула Конституции Франции, включающая отсылки к Декларации прав человека и гражданина 1789 года и преамбуле Конституции Четвёртой Республики, которая формирует контекстуальную базу для судебных решений, в том числе решений Конституционного совета.

Современные вызовы и технологические трансформации поставили перед государствами задачу цифровой адаптации, охватывающей не только формы государственного управления, но и саму структуру конституционного порядка. Цифровизация открывает новые возможности для легитимации политических процессов, включая электронное голосование, цифровые петиции, платформы для общественного участия. Однако она также порождает принципиально новые риски, связанные с алгоритмическим

управлением, непрозрачностью решений и возможностями манипуляции. На этом фоне выдвигается концепция *algorithmic constitutionalism*, разработанная G. De Gregorio [13]. В её основе — идея о необходимости выработки новых нормативных механизмов, регулирующих власть цифровых платформ, включая механизмы подотчётности, транспарентности алгоритмов и защиты цифровых прав как компонента основного закона. Конституция в цифровую эпоху перестаёт быть исключительно текстом — она становится интерфейсом между правом, технологиями и обществом, требующим постоянной настройки и защиты.

В совокупности все перечисленные механизмы демонстрируют, что адаптация конституционного порядка — это многоуровневый процесс, в котором сочетаются судебное толкование, гибкие институциональные формы, эволюционные процедуры реформ и технологические инновации. Их взаимодействие определяет способность конституционного порядка реагировать на вызовы времени без утраты легитимности и нормативного авторитета.

Сравнительно-правовой анализ моделей адаптивного конституционализма

Адаптивный конституционализм, в его наиболее зрелых проявлениях, обнаруживает себя в разнообразных институциональных и правовых конфигурациях, отражающих специфику культурно-исторического развития, политического контекста и правовой традиции соответствующих государств. Сравнительный анализ позволяет выявить не только общие структурные признаки адаптивности, но и различия в механизмах, направленных на обновление и устойчивость конституционного порядка. Подход к институциональной адаптации варьируется от модели сдержанной гибкости, сохраняющей либеральную идентичность, до парадигм, в которых адаптация становится инструментом постсоциальной, трансформационной или нелиберальной модернизации.

Европейские конституционные системы — Германия, Финляндия и Швейцария — иллюстрируют пример того, как институциональная гибкость может сочетаться с сохранением либерального правового ядра. В Германии ключевую роль в обеспечении адаптивности играет Федеральный конституционный суд, юриспруденция которого трансформирует содержание основополагающих норм без изменения их буквального текста. Решение по делу *Lisbon Urteil* (2009), а также последующее развитие доктрины *Menschenwürde* и принципа *Ewigkeitsklausel* (ст. 79(3) Основного закона) свидетельствуют о наличии жесткого идеологического каркаса, допускающего мягкое функциональное обновление. В Финляндии конституционный контроль осуществляется через парламентские структуры, но именно процедура постепенного внесения изменений в Основной закон после двух чтений в разных созывах позволяет удерживать баланс между реформированием и правовой стабильностью [14]. Такая модель способствует институциональному диалогу с будущим, при котором изменения проходят через фильтр общественного и политического консенсуса. Швейцария, в свою очередь, демонстрирует модель прямой демократии, в которой гибкость достигается за счёт постоянного участия граждан в процессе принятия решений. Через федеральные и кантональные референдумы осуществляется перманентное обновление правового порядка, при этом сохраняется основополагающая структура, основанная на нейтралитете, федерализме и правах личности.

Латинская Америка представляет собой совершенно иную траекторию эволюции адаптивного конституционализма. В странах этого региона — в частности, в Колумбии и Эквадоре — наблюдается явное преобладание программной ориентации конституционного текста. Конституции здесь не только закрепляют правовой фундамент,

но и формируют идеологические векторы общественного развития. Конституция Колумбии 1991 года была результатом широкого национального консенсуса, но в то же время она закрепила трансформационную миссию государства, что проявилось в провозглашении прав на участие, защиту окружающей среды, социальную справедливость и мир. Как следствие, в этих условиях адаптация конституционного порядка происходит не столько через институциональные фильтры, сколько через интерпретации и размытие границ формального права. Конституция Эквадора 2008 года пошла ещё дальше, закрепив концепт «*buen vivir*» как основу конституционной философии и интегрировав экологические, культурные и коллективные права в текст основного закона. Как утверждает Р. Goeury, подобная модель способствует институциональному экспериментированию, однако сопряжена с рисками гипертрофии исполнительной власти, ослабления институтов сдержек и противовесов и политической нестабильности [\[15\]](#).

Постсоветское пространство демонстрирует уникальные формы адаптивного конституционализма, основанные на гибридных институциональных заимствованиях и адаптации моделей, заимствованных из различных правовых традиций. Пример Казахстана в этом контексте интересен с точки зрения сосуществования элементов президентской доминанты с инициативами по институциональной реформе, направленной на повышение представительности и усиление роли парламента. Конституционные реформы 2017 и 2022 годов задекларировали перераспределение властных полномочий и усиление механизмов ответственности. Однако адаптация здесь носит преимущественно управляемый характер, что позволяет говорить о «диригируемой эволюции» конституционного порядка. Армения, в свою очередь, после перехода к парламентской республике в 2015 году, демонстрирует поиск новой институциональной идентичности. Несмотря на политические кризисы, Конституционный суд Армении стал ареной дебатов о границах конституционной лояльности и роли судебной власти в условиях транзитной демократии. Как подчёркивает Е. Lemon, постсоветские модели адаптивности зачастую сопряжены с высокой степенью зависимости от политического центра, что затрудняет формирование устойчивых институциональных практик [\[16\]](#).

Азиатские страны, особенно входящие в объединение БРИКС, демонстрируют иной вектор — судебный активизм и адаптивную модернизацию в рамках нелиберальных или полилиберальных режимов. Индия, как страна с мощной судебной традицией, сформировала уникальную модель, в которой Верховный суд выполняет роль активного участника публичной политики. Концепции *basic structure doctrine* (разработана в деле «*Kesavananda Bharati v. State of Kerala*», 1973) и *public interest litigation* позволяют суду не только защищать фундаментальные принципы конституции, но и выступать инициатором институциональных преобразований. Судебная адаптация здесь приобретает черты политico-правового арбитража, особенно в условиях слабости исполнительной власти и высокого уровня социального напряжения. Напротив, Китай демонстрирует адаптационную модель, основанную на управляемой нелиберальной модернизации. Конституция КНР, несмотря на номинально социалистический характер, с 2004 года содержит положения о защите частной собственности и правах человека, интерпретируемых в логике «социализма с китайской спецификой». Как указывают ряд исследователей, китайская модель демонстрирует высокую степень институциональной адаптивности, несмотря на жёсткую политическую централизацию [\[17\]](#). Здесь адаптация осуществляется не через независимые институты, а через обновление риторики и управлеченческих механизмов, при сохранении однопартийной монополии.

Таким образом, сравнительно-правовой подход к анализу моделей адаптивного

конституционализма выявляет не только разную степень гибкости и устойчивости, но и глубинные различия в правовом мышлении, институциональной культуре и понимании целей конституционного регулирования. От континентального правового минимализма Европы через программный активизм Латинской Америки и посттрансформационные гибриды Евразии до судебного волюнтаризма и нелиберальной инновативности Азии — каждый случай представляет собой уникальный синтез универсальных вызовов и локальных ответов, оформленных в рамки адаптивного конституционного порядка.

Ограничения и риски адаптивного конституционализма

Адаптивный конституционализм, несмотря на свою потенциальную роль как стабилизатора и регулятора в условиях политico-правовой нестабильности, не лишен внутренних противоречий и объективных рисков. Одним из ключевых вызовов, вытекающих из самой природы адаптивности, становится опасность незаметной подмены фундаментальных правовых принципов соображениями политической целесообразности. При чрезмерной уступчивости конституционного порядка к изменяющимся обстоятельствам и давлениям со стороны власти возникает риск того, что сами принципы — такие как верховенство права, независимость судов, разделение властей — начнут рассматриваться как переменные категории, а не как несомненные нормативные константы. Именно на этом стыке проявляется дилемма между необходимостью обновления правового корпуса и сохранением его фундаментальной целостности.

Феномен гибкости в данном контексте приобретает амбивалентный характер. С одной стороны, он позволяет правовой системе функционировать в условиях быстро меняющейся реальности, быть восприимчивой к новым вызовам, технологическим и социокультурным сдвигам. С другой стороны — чрезмерная гибкость может вести к девальвации норм, утрате нормативной определённости и снижению правовой предсказуемости. Исследователи, такие как R. Hirschl, указывают на опасность возникновения своеобразной «конституционной инфляции», при которой само понятие конституционного акта размывается за счёт постоянного добавления новых положений, деклараций и программных установок, не подкреплённых институциональным ресурсом их реализации [18]. В таких условиях повышается риск того, что Конституция превращается в политico-риторический инструмент, используемый в первую очередь для легитимации текущих властных решений, а не для ограничения власти как таковой.

Особенно ярко указанные риски проявляются в рамках концепта популистской адаптации, где изменение конституционных текстов подаётся как выражение «воли народа», но по сути обслуживает интересы узкого круга политических акторов. Примеры Венгрии и Польши за последние два десятилетия стали наглядной иллюстрацией того, как формально легитимные механизмы конституционной реформы могут быть использованы для системного демонтажа независимых институтов и ослабления системы сдержек и противовесов. В этой связи ряд исследователей указывают, что популизм в конституционализме стремится минимизировать институциональные барьеры, преподнося конституцию как средство непосредственного выражения суверенной воли, тем самым подрывая её ограничительный потенциал [19].

Не менее значимым становится вопрос о пределах допустимого реформирования: где заканчивается эволюция конституционного порядка и начинается его эрозия? Данный вопрос носит не только теоретический, но и практический характер, поскольку именно в этих «пограничных» ситуациях проявляется качество правовой культуры и зрелость демократических институтов. Различие между эволюцией и девальвацией не всегда

очевидно, особенно в условиях, когда политическая риторика активно эксплуатирует идею обновления и модернизации. Конституция как «живой организм» (*living constitution*), по аналогии с канадской доктриной, предполагает внутреннюю способность к трансформации, но требует при этом сохранения базовой идентичности и устойчивости правового смысла. Когда же трансформация затрагивает само ядро конституционного порядка — включая гарантии прав человека, принципы справедливости и судебной автономии — речь может идти уже не о развитии, а о подмене сути.

Предотвратить скатывание адаптивности в правовой произвол способна только устойчивая система нормативных и институциональных противовесов. Инструменты конституционного контроля, такие как судебный надзор, парламентская оппозиция, свободная пресса и гражданское общество, выступают в качестве своеобразных «предохранителей», ограничивающих власть от выхода за допустимые рамки. Именно институционализированная система «checks and balances» обеспечивает адаптивному конституционализму легитимность, не позволяя ему скатиться в произвол. В этом контексте ценность приобретают механизмы *ex post* контроля, такие как последующий конституционный надзор, а также институционализированное участие общества в процессе реформирования — включая публичные консультации, экспертные заключения и механизмы прямой демократии, если они используются с должной процедурной корректностью.

Таким образом, адаптивный конституционализм требует тонкого баланса между гибкостью и устойчивостью, между инновацией и верностью принципам. Без чётких институциональных рамок и нормативной дисциплины он может утратить свою правовую сущность, превратившись в инструмент политической инженерии. Именно поэтому особую значимость приобретает разработка чётких критериев и пределов адаптации, а также развитие правовой теории, способной дифференцировать подлинное развитие от институционального разрушения.

Перспективы развития адаптивного конституционализма

Перспективы развития адаптивного конституционализма приобретают особую значимость в контексте современной трансформации политico-правовых систем, находящихся под влиянием одновременно глобальных, технологических и культурных сдвигов. Одним из ключевых направлений в эволюции конституционного дискурса становится утверждение адаптации не как вспомогательного инструмента, призванного временно нивелировать вызовы, а как полноценной доктринальной категории. Такое смещение акцента отражает признание того, что современное конституционное регулирование всё чаще сталкивается с ситуациями неопределенности, требующими не просто толкования существующих норм, но способности к их преобразованию при сохранении институционального и ценностного ядра. В этом смысле адаптивный конституционализм начинает выходить за пределы классического либерального канона, который долгое время доминировал в конституционном праве, и открывает пространство для нового синтеза гибкости и принципиальности.

Переосмысление адаптации как базового принципа приводит к необходимости институционализировать её не только как практику, но и как норму. Этому способствует рост числа государств, в которых закрепляются специальные конституционные положения о возможностях пересмотра или трансформации отдельных разделов Основного закона без утраты юридической идентичности Конституции в целом. Ярким примером служит Конституция Южной Африки 1996 года, чья структура допускает программные изменения с сохранением «основных ценностей», закреплённых в

Пreamble и Разделе 1. Подобный подход усиливает не просто нормативную, но символическую значимость адаптации как механизма преодоления правовой инерции и реакции на изменяющийся социальный контекст.

Особую роль в будущем адаптивного конституционализма играет цифровизация. Уже сегодня наблюдается переход от классических моделей электронного взаимодействия — таких как e-legislation или электронные референдумы — к более сложным формам алгоритмизированного конституционного анализа и предиктивного моделирования правовых последствий. Работы G. De Gregorio подчёркивают, что речь идёт не только о внедрении технологий в юридическую практику, но и о трансформации самого правового мышления в сторону системного восприятия права как элемента цифровой архитектуры. В этой связи всё более актуальной становится концепция algorithmic review — предполагающая разработку механизмов контроля за цифровыми процессами с точки зрения их соответствия основным конституционным принципам. Однако это требует развития соответствующих конституционных доктрин, способных интегрировать технологическую рациональность без утраты правовой автономии.

Адаптивный подход имеет также стратегическое значение для государств глобального Юга, чьи правовые системы часто сталкиваются с дилеммой между универсализмом либерального конституционализма и локальной спецификой социальных структур. В этих условиях адаптация становится не только теоретической опцией, сколько институциональной необходимостью. Колумбия, Боливия и Кения демонстрируют различные модели интеграции этнокультурных практик в конституционные конструкции, сохраняя при этом формальную структуру демократического правопорядка. В этом случае исследования акцентируют внимание на необходимости перехода от концепции «одной модели конституции» к множественности форм конституционного порядка, ориентированных на реальную способность к выживанию и трансформации в конкретных условиях [\[20\]](#).

Становится очевидным, что дальнейшее развитие адаптивного конституционализма требует междисциплинарного подхода. Его исследование невозможно ограничить рамками сугубо юридического анализа, так как адаптация в конституционном контексте затрагивает также механизмы политического управления, социальные практики легитимации, культурные представления о справедливости и техническую инфраструктуру. Следовательно, требуется включение в исследовательскую оптику данных политологии, социологии, теории публичной администрации, а также наук о данных и информационной архитектуре. Только в такой сложной исследовательской рамке становится возможным адекватное понимание адаптации как многомерного и нелинейного процесса.

Центральным теоретическим вызовом при этом остаётся обоснование нормативного ядра конституционного порядка. Одной из наиболее продуктивных моделей становится концепция «жёсткого центра» и «гибкой периферии» (core/periphery model), активно развивающаяся в англоязычной правовой литературе (например, в работах R. Albert [\[21\]](#) и V. C. Jackson [\[22\]](#)). Согласно этой модели, Конституция должна содержать неизменяемое или практически неизменяемое ядро, включающее основные права, институциональные гарантии и фундаментальные ценности, в то время как периферийные элементы — процедурные нормы, организационные детали, социальные директивы — могут подвергаться переосмыслению и обновлению в зависимости от контекста. Такая структура позволяет сохранить идентичность конституционного порядка при высокой степени его адаптивности. Более того, она создаёт пространство для различного рода

экспериментальных практик на периферии без угрозы для фундаментальных принципов, что особенно важно в условиях политической и правовой нестабильности.

Таким образом, перспективы развития адаптивного конституционализма тесно связаны с его институционализацией как самостоятельного правового подхода, способного интегрировать ценностную устойчивость и нормативную гибкость. Устойчивый конституционный порядок будущего, по всей вероятности, будет всё больше напоминать не мраморную колонну, а живую систему — с неизменным внутренним каркасом и способностью к адаптации внешней оболочки, отвечающей на вызовы времени и одновременно защищающей от утраты правовой сущности.

Заключение

Современное состояние конституционно-правовой мысли требует не столько итогового обобщения, сколько формирования обоснованной и интеллектуально целостной позиции, способной ответить на вызовы эпохи. В рамках авторской концепции адаптивного конституционализма предложен подход, который не рассматривает адаптацию в качестве временного средства для урегулирования ситуативных противоречий, а утверждает её как органическую часть зрелой конституционной системы. Эта позиция основывается на понимании адаптации как внутреннего качества правопорядка, способного к саморегуляции, обновлению и реформированию при сохранении идентичности основных правовых и институциональных констант. В противовес традиционному представлению, при котором адаптация трактуется как вынужденное отклонение от нормы или компромисс под давлением внешних обстоятельств, в данной концепции она интерпретируется как проявление институциональной зрелости — способности системы реагировать на динамичные изменения без разрушения собственных основ.

Развитие этой идеи предполагает признание того, что адаптация в конституционном праве не может быть редуцирована до набора процедур пересмотра или модификации норм. Речь идёт о более глубоком процессе: формировании правовой чувствительности к изменениям, выстраивании механизмов раннего реагирования и обеспечении способности к перераспределению акцентов внутри нормативной системы без утраты её функциональной и ценностной целостности. Таким образом, адаптация предстает не как отказ от принципов, а как способ их сохранения в изменившихся обстоятельствах. Это особенно актуально в условиях постоянных кризисов — от пандемий до войн, от технологических трансформаций до климатических катастроф, — когда конституционные системы оказываются под давлением, превосходящим их проектную устойчивость. Именно в таких условиях проявляется различие между формальной стабильностью и подлинной живучестью правового порядка.

С точки зрения институционального анализа, адаптивный конституционализм предлагает смещение фокуса с охраны формальной неизменяемости к обеспечению внутренней эволюционной способности системы. Приведенные результаты исследований T. Ginsburg, R. Dixon, а также R. Albert подтверждают, что именно способность Конституции к управляемым трансформациям повышает её жизнеспособность и легитимность. При этом особенно важным становится различие между эволюцией и эрозией. Если первое — это результат внутреннего развития и институционального самообновления, второе чаще является следствием произвольных и популистских вмешательств, подрывающих легитимность и устойчивость конституционного порядка. Поэтому вопрос об адаптации всегда сопряжён с проблематикой границ допустимого, что, в свою очередь, требует чётких критериев и механизмов правовой оценки.

Практическое значение адаптивного подхода особенно велико в периоды турбулентности и неопределённости. Конституционные системы, лишённые механизмов гибкой адаптации, рисуют утратить релевантность, стать объектом легального нигилизма или превратиться в символические артефакты, оторванные от социальной реальности. Адаптивный конституционализм, напротив, стремится к тому, чтобы сохранить действенность Основного закона даже в условиях резких сдвигов. Например, при внезапных изменениях в международной обстановке, кризисах государственного управления или массовых протестах адаптация позволяет актуализировать институциональные механизмы и поддерживать их легитимность. Концепция «жёсткого центра» и «гибкой периферии» в этом контексте приобретает особое значение как средство балансировки между обновлением и охраной ядра правового порядка. Такое понимание адаптации уже начинает находить отражение в национальных правовых системах, где появляются процедуры «ускоренного конституционного реагирования» (*emergency constitutional response*) или создаются специализированные органы, ответственные за мониторинг устойчивости правовой системы.

Вместе с тем, развитие адаптивного конституционализма невозможно без создания системной нормативной теории, способной предложить универсальные и в то же время гибкие концептуальные основания для регулирования процессов изменения Конституции. Это требует отхода от моноотраслевого подхода и обращения к междисциплинарным исследованиям, объединяющим правовую доктрину, политическую теорию, социологию права, а также цифровые технологии и системный анализ. В условиях, когда современные вызовы носят комплексный характер, правовая наука не может оставаться изолированной от других сфер знания. Разработка институционального дизайна, способного интегрировать адаптационные механизмы в конституционную архитектуру, должна основываться на эмпирических данных, моделировании сценариев и глубоком понимании трансформаций власти и легитимности.

Наконец, адаптивный конституционализм нуждается в собственном языке — понятийном аппарате, способном описывать явления, выходящие за пределы классических категорий. Речь идёт о новых концептах, таких как «динамическое соответствие» (*dynamic fit*), «конституционная устойчивость» (*constitutional resilience*), «институциональный отклик» (*institutional responsiveness*), которые пока лишь формируются в доктрине, но уже задают вектор будущих исследований. Этот понятийный инструментарий должен быть соотнесён с реалиями разных правовых культур, что предполагает развитие сравнительного правоведения не как вторичного жанра, а как основного метода понимания конституционного многообразия в эпоху глобализации. Таким образом, концепция адаптивного конституционализма раскрывается как сложный, многомерный и перспективный подход, соединяющий институциональную зрелость, нормативную гибкость и интеллектуальную открытость. Она не просто отвечает на вызовы времени, но и формирует новый тип конституционного мышления, способного к ответственному и гибкому взаимодействию с меняющейся реальностью, не теряя при этом своего нормативного достоинства.

Библиография

1. Tushnet M. Taking the Constitution Away from the Courts. Princeton: Princeton University Press, 2000. 256 p.
2. Landau D. Abusive Constitutionalism // UC Davis Law Review. 2013. Vol. 47, No. 1. P. 189-260.
3. Thornhill C. A Sociology of Constitutions: Constitutions and State Legitimacy in Historical-Sociological Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 466 p.

4. De Gregorio G. The Rise of Digital Constitutionalism in the European Union // International Journal of Constitutional Law. 2021. Vol. 19, No. 1. P. 41-70. DOI: 10.1093/icon/mocab001.
5. Graver HP, Gyöngyi P. Hidden rule of law discontinuities: A theoretical framework for studying rule of law backsliding // International Journal of Law in Context. 2024. Vol. 20, No. 2. P. 117-132. DOI: 10.1017/s1744552324000077.
6. Daly T. G. The Alchemists: Questioning Our Faith in Courts as Democracy-Builders. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 390 p.
7. Scheppel K. L. Autocratic Legalism // University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85, No. 2. P. 545-583.
8. Fabbrini F. The Legal Architecture of the Economic Responses to COVID-19: EMU beyond the Pandemic // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2022. Vol. 60, Issue 1. P. 186-203. DOI: 10.1111/jcms.13271.
9. Sunstein C. Designing Democracy: What Constitutions Do. Oxford: Oxford University Press, 2001. 292 p.
10. Tushnet M. Why the Constitution Matters. New Haven: Yale University Press, 2010. 208 p.
11. Hogg P. W. Constitutional Law of Canada. 5th ed. Toronto: Carswell, 2007. 219 p.
12. Landau D., Dixon R. Tiered Constitutional Design // George Washington Law Review. 2018. Vol. 86, No. 2. P. 438-512.
13. De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe: Reframing Rights and Powers in the Algorithmic Society. Cambridge Studies in European Law and Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 304 p.
14. Husa J. Locking in Constitutionality Control in Finland // European Constitutional Law Review. 2020. Vol. 16, Issue 2. P. 249-274. DOI: 10.1017/s1574019620000139.
15. Goeury P. Rafael Correa's Decade in Power (2007-2017): Citizens' Revolution, Sumak Kawsay, and Neo-Extractivism in Ecuador // Latin American Perspectives. 2021. Vol. 48, No. 3. P. 206-226. DOI: 10.1177/0094582x211004907.
16. Lemon E., Antonov O. Authoritarian Legal Harmonization in the Post-Soviet Space // Democratization. 2020. Vol. 27, No. 7. P. 1221-1239. DOI: 10.1080/13510347.2020.1778671.
17. Backer L.C., Wang K. The Emerging Structures of Socialist Constitutionalism with Chinese Characteristics: Extra-Judicial Detention and the Chinese Constitutional Order // Washington International Law Journal. 2014. Vol. 23, No. 2. P. 251-294.
18. Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 286 p.
19. Krygier M., Czarnota A., Sadurski W. (Eds.) Populisms. In: Anti-Constitutional Populism. Cambridge Studies in Law and Society. Cambridge University Press, 2022. P. 25-182.
20. Santos B. de S., Araújo S., Aragón Andrade O. (Eds.) Decolonizing Constitutionalism: Beyond False or Impossible Promises. London: Routledge, 2024. 354 p.
21. Albert R. Revolutionary Constitutionalism: Law, Legitimacy, Power. London: Hart Publishing, 2020. 304 p.
22. Jackson V.C. Constitutional Engagement in a Transnational Era. Oxford: Oxford University Press, 2010. 540 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, адаптивный конституционализм. Автор сосредоточил внимание на анализе его концептуальных оснований и институциональных механизмов в условиях политico-правовой турбулентности. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "Для достижения поставленной цели в статье применяется комплексная методология, сочетающая сравнительно-правовой, институциональный, аксиологический и политico-правовой подходы. Сравнительно-правовой анализ позволяет сопоставить адаптационные практики в разных юрисдикциях, выявляя как структурные различия, так и точки сближения. Институциональный подход раскрывает роль различных акторов (конституционных судов, парламентов, президентских институтов) в процессе адаптации. Аксиологическая перспектива фокусируется на сохранении ценностных ориентиров в условиях трансформации, тогда как политico-правовой анализ позволяет учитывать влияние политических факторов на юридическое содержание адаптивных механизмов".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Современное политico-правовое пространство характеризуется высоким уровнем нестабильности, выражющейся в частой смене властных парадигм, кризисах политической легитимности, поляризации общественных установок и затухающем доверии к публичным институтам. Углубляющаяся фрагментация правовых режимов, проявляющаяся как на национальном, так и на транснациональном уровнях, ставит под сомнение устойчивость прежних моделей конституционного устройства, построенных преимущественно на жесткой нормативной архитектуре, ориентированной на стабильность, а не на гибкость. Глобальные вызовы — от пандемий и трансграничных конфликтов до масштабной цифровизации и усиления авторитарных тенденций в ранее демократических системах — требуют иного взгляда на природу конституционного порядка как на нечто способное к изменению и восстановлению, а не исключительно к сохранению. В этих условиях исследование возможностей и пределов адаптации конституционного строя становится не только актуальным, но и необходимым с точки зрения правового выживания демократических основ в условиях многомерной турбулентности". Дополнительно ученыму необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы "... заключается в артикуляции концепции «адаптивного конституционализма» как самостоятельной теоретико-правовой парадигмы, способной сочетать в себе элементы нормативной устойчивости и институциональной изменчивости, не вступая при этом в противоречие с принципами демократического правового государства". Она проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, теоретико-концептуальные основания адаптивного конституционализма базируются на переосмыслении фундаментальных конституционных принципов через призму современного институционального и социального многообразия. Эта парадигма предлагает рассматривать право не как статичную систему норм, а как динамичную практику поддержания равновесия между стабильностью и изменением, между формой и содержанием, между универсализмом и контекстуальностью"; "Таким образом, адаптивный конституционализм функционирует как альтернатива как правовому догматизму, неспособному ответить на вызовы времени, так и радикальной политической волюнтаристике, подменяющей нормы pragmatismом власти. Его теоретическая ценность состоит в том, что он предлагает новый взгляд на институциональную устойчивость, рассматривая её как продукт не сохранения формальных структур, а способности этих структур к гибкому реагированию в пределах конституционных рамок. В этом

заключается его потенциал как концепции, способной не только объяснить современные трансформации, но и предложить практические ориентиры для выстраивания конституционной политики в условиях неопределенности и нестабильности"; "В совокупности все перечисленные механизмы демонстрируют, что адаптация конституционного порядка — это многоуровневый процесс, в котором сочетаются судебное толкование, гибкие институциональные формы, эволюционные процедуры реформ и технологические инновации. Их взаимодействие определяет способность конституционного порядка реагировать на вызовы времени без утраты легитимности и нормативного авторитета"; "Таким образом, сравнительно-правовой подход к анализу моделей адаптивного конституционализма выявляет не только разную степень гибкости и устойчивости, но и глубинные различия в правовом мышлении, институциональной культуре и понимании целей конституционного регулирования. От континентального правового минимализма Европы через программный активизм Латинской Америки и посттрансформационные гибриды Евразии до судебного волонтаризма и нелиберальной инновативности Азии — каждый случай представляет собой уникальный синтез универсальных вызовов и локальных ответов, оформленных в рамках адаптивного конституционного порядка"; "Таким образом, адаптивный конституционализм требует тонкого баланса между гибкостью и устойчивостью, между инновацией и верностью принципам. Без чётких институциональных рамок и нормативной дисциплины он может утратить свою правовую сущность, превратившись в инструмент политической инженерии. Именно поэтому особую значимость приобретает разработка чётких критериев и пределов адаптации, а также развитие правовой теории, способной дифференцировать подлинное развитие от институционального разрушения" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. Основная часть статьи состоит из шести разделов: "Теоретико-концептуальные основы адаптивного конституционализма"; "Адаптивный конституционализм как форма институциональной устойчивости"; "Институциональные механизмы адаптации конституционного порядка"; "Сравнительно-правовой анализ моделей адаптивного конституционализма"; "Ограничения и риски адаптивного конституционализма"; "Перспективы развития адаптивного конституционализма". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Как отмечает Р. Hogg такая модель толкования позволяет избежать как догматизма, так и произвола, благодаря встраиванию судебной деятельности в контекст конституционного минимализма [11]" - "Как отмечает Р. Hogg, такая модель толкования позволяет избежать как догматизма, так и произвола благодаря встраиванию судебной деятельности в контекст конституционного минимализма [11]" (пропущена запятая).

Ученый отмечает: "Адаптивный конституционализм, в его наиболее зрелых проявлениях, обнаруживает себя в разнообразных институциональных и правовых конфигурациях, отражающих специфику культурно-исторического развития, политического контекста и правовой традиции соответствующих государств" - "Адаптивный конституционализм в его наиболее зрелых проявлениях обнаруживает себя в разнообразных институциональных и правовых конфигурациях, отражающих специфику культурно-исторического развития, политического контекста и правовой традиции соответствующих государств" (см. на

пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 22 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (M. Tushnet, C. Sunstein и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы должным образом и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Современное состояние конституционно-правовой мысли требует не столько итогового обобщения, сколько формирования обоснованной и интеллектуально целостной позиции, способной ответить на вызовы эпохи. В рамках авторской концепции адаптивного конституционализма предложен подход, который не рассматривает адаптацию в качестве временного средства для урегулирования ситуативных противоречий, а утверждает её как органическую часть зрелой конституционной системы. Эта позиция основывается на понимании адаптации как внутреннего качества правопорядка, способного к саморегуляции, обновлению и реформированию при сохранении идентичности основных правовых и институциональных констант. В противовес традиционному представлению, при котором адаптация трактуется как вынужденное отклонение от нормы или компромисс под давлением внешних обстоятельств, в данной концепции она интерпретируется как проявление институциональной зрелости — способности системы реагировать на динамичные изменения без разрушения собственных основ. Развитие этой идеи предполагает признание того, что адаптация в конституционном праве не может быть редуцирована до набора процедур пересмотра или модификации норм. Речь идет о более глубоком процессе: формировании правовой чувствительности к изменениям, выстраивании механизмов раннего реагирования и обеспечении способности к перераспределению акцентов внутри нормативной системы без утраты её функциональной и ценностной целостности. Таким образом, адаптация предстает не как отказ от принципов, а как способ их сохранения в изменившихся обстоятельствах. Это особенно актуально в условиях постоянных кризисов — от пандемий до войн, от технологических трансформаций до климатических катастроф, — когда конституционные системы оказываются под давлением, превосходящим их проектную устойчивость. Именно в таких условиях проявляется различие между формальной стабильностью и подлинной живучестью правового порядка" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении статьи.